

Александр Гарцев

Переполох

18+

Александр Гарцев

Переполюх

«Автор»

2026

Гарцев А.

Переполюх / А. Гарцев — «Автор», 2026

Роман писателя Александра Гарцева "Переполюх" - это история о времени, когда рушились идеалы и рождались новые надежды. Это роман о людях, которые пытаются сохранить достоинство. Что происходит, когда любовь сталкивается с системой, а правда — с бюрократией? Молодой, амбициозный председатель профкома Николай Колыбелкин только что избран на свою должность. Он искренне верит в перестройку, в гласность и в то, что старые методы борьбы с «моральным разложением» уходят в прошлое. Но реальность оказывается куда сложнее партийных лозунгов. Роман о том, как найти себя на переломе эпох и не потерять веру в любовь. Для тех, кто помнит. Для тех, кто хочет понять

© Гарцев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Персонажи истории	5
Глава 1. Баллада о синем чайнике	7
Глава 2. Академик и Снабженец	11
Глава 3. Безалкогольная свадьба	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Гарцев

Переполох

Персонажи истории

Колыбелкин Николай Иванович (председатель профкома).

34 года. Инженер-технолог, кандидат наук. Родом из деревни. Учился в областном центре, куда переехала семья. Закончил Ленинградский институт. Вернулся в родной город ради матери. До профкома работал старшим научным сотрудником, но был избран как "молодая кровь" под лозунги перестройки.

Характер: Интеллигент в первом поколении. Скептик, но скрывает это под маской советского оптимизма. Любит цитировать Высоцкого (на кухне) и Чернышевского (на трибуне). Его главная арка от "исполнительного солдата системы" до человека, который осознает, что система — это люди, и спасение одной души (Зинаиды или полковника) важнее спасения "социалистической собственности".

Речь: Литературная, но со вкраплениями просторечий ("ага", "значит так"). Часто задает риторические вопросы в диалогах.

Аксенов Егор Михайлович (Полковник, проректор по хозяйству).

50 лет. Отставной военный строитель. Служил в Германии и на Байконуре. Жена — Лидия Васильевна, бывшая учительница, ждет его дома с пирожками. Привык к порядку. Взят в институт директором как "крепкий хозяин".

Характер: Прямой, жесткий, честный до скрежета зубов. Его трагедия в том, что он не умеет врать. Влюбившись в Зинаиду, он впервые в жизни идет на сделку с совестью (скрывает встречи).

Мотив: Спасти институт от развала, но найти золотую середину между военным долгом и зовом сердца.

Речь: Короткие, рубленые фразы. Военные термины ("Сосредоточить усилия", "Докладывать по-уставному").

Зинаида Петровна Стрельцова (Главный бухгалтер).

26 лет. Молодая вдова (муж погиб на комбинате). Сама воспитывает сына-первоклашку. Феноменально талантлива в цифрах.

Характер: Внешне — серый "бюджетный" мотылек (очки, строгий костюм, собранный пучок). Внутри — лава. Она не просто "девочка для свиданий", она видит полковника насквозь. Ее мотив — поиск отца для сына и одновременно защита тайны, которая ее сжигает (она знает, кто украл деньги, но боится, что украли при участии покойного мужа).

Речь: Тихая, слегка заикающаяся от волнения. Любит неологизмы ("Перестройка наша"), но чаще всего говорит цифрами ("Этот план на 4.2 процента не бьется").

Варвара Сергеевна Кудрявцева (Начальник строительной группы).

43 года. Старая дева. Живет с престарелой матерью. Мечтает о полковнике как о рыцаре. Коллекционирует марки с изображением Кремля.

Характер: Язвительная, въедливая, "боевой петух". Считает себя стражем морали. Именно она (с Ираидой) отслеживает полковника.

Мотив: Комплекс не востребоваемости. Она хочет наказать Зинаиду за "легкость" поведения, которую себе не может позволить сама.

Речь: Публицистическая, с пафосом ("Это противоречит уставу партии!", "Товарищи, опомнитесь!").

Нина Петровна Соловьева (Инженер, "тень профессора").

35 лет. Муж — зав. отделом обкома (высокомерный тип). Двое детей. Она — трудоголик.

Характер: Жертвенная. Она идеализирует директора. Пирогам ему носит, отчеты за него переписывает, берет на себя его проколы. Ее мотив — докатить до "Светлого будущего" через этого профессора, даже если он не замечает ее. Она антагонист Варвары, потому что считает, что личные разборки (звонки жене) мешают делу.

Речь: Теплая, "материнская". Часто использует слова "нужно", "положено". Единственная, кто говорит о детях как о реальной проблеме.

Панцирев Степан Кузьмич (бывший проректор). Уволенный алкаш. Хитрый, как лис. Не пьет, а "лечится". Появляется в двух сценах: как призрак, который знает все про "лесной обман". Его голос важен в финале.

Лидия Васильевна (Жена полковника). Серая тень. Принимает анонимный звонок. Ее появление в институте в финале — гром среди ясного неба.

Гена Караваев (Секретарь комитета комсомола). Молодой карьерист. Носит модные джинсы-варенки, говорит о бизнесе шепотом. Он "перебежчик" между лагерями, сливает информацию Колыбелкину.

Глава 1. Баллада о синем чайнике

Сентябрь 1986 года. Вторник, первая половина дня.

Проектный институт «ОблГипролес». Кабинет председателя профсоюзного комитета. Длинный коридор третьего этажа, пахнувший мастикой, табаком и слегка подгоревшим борщом из столовой.

Кабинет председателя профкома был местом, где время текло иначе. Снаружи, в коридорах института, гуляли сквозняки перестройки, звенели телефоны, и секретарши, шелестя длинными юбками, передавали друг другу свежие слухи с утренней планерки. Здесь же, за массивной дубовой дверью с табличкой «Профсоюзный комитет», время текло тягуче, как кисель, и пахло сургучом, старыми отчетами и вечностью.

Колыбелкин Николай Иванович сидел за столом и смотрел на синий эмалированный чайник, стоящий на конфорке.

Чайник был главным предметом кабинета. Старше самого Колыбелкина. Поцарапанный, с облупившейся эмалью на носике, он стоял на древней электрической плитке с открытой спиралью, которая при включении начинала зловеще краснеть и издавать запах каленой пыли. Секретарша Раечка — женщина с прической «хала» и вечно озабоченным видом — с утра залила в него воду, положила две ложки заварки, и теперь чайник, кашлянув паром, начинал свою обычную ежедневную оперу, напоминая о том, что жизнь продолжается.

Колыбелкин вздохнул и отодвинул от себя папку с отчетом о проведении субботника. Отчет был составлен его предшественником — Панциревым Степаном Кузьмичом. Сейчас Панцирев сидел где-то дома, на больничном, а точнее — набирался сил после того, как его выперли с должности проректора по хозяйству с формулировкой «за систематическое нарушение трудовой дисциплины». Все знали, что за «дисциплиной» скрывается катастрофическая страсть к «Столичной» и шашлыкам на выездных планерках. Но вслух об этом молчали. Вслух говорили о «моральном облике».

Николай провел ладонью по коротко стриженному затылку и скосил глаза на графин с водой. Графин стоял рядом с портретом Ленина. Ленин смотрел с портрета чуть прищурившись, словно оценивая молодого председателя профкома. Колыбелкину было тридцать четыре. Он был избран всего неделю назад на отчетно-выборной конференции. Избран, потому что на него почему-то показал пальцем секретарь парткома, когда все кандидаты отказывались. «Нужна свежая кровь!» — сказал тогда секретарь. И свежая кровь, в лице кандидата наук Колыбелкина, растерянно захлопала глазами и пошла в бой.

— Николай Иванович, — раздался голос Раечки из-за приоткрытой двери. — К вам Варвара Сергеевна. Говорит, вопрос срочный.

Колыбелкин поморщился. Варвара Сергеевна Кудрявцева была начальником строительной группы. Ее голос в коридорах института звучал как пожарная сирена. Она была невысокой, плотной, с тяжелой нижней челюстью и острыми, колючими глазами, которые всегда искали, кого бы припечатать к стенке за нарушение морально-этических норм.

— Заходите, — сказал Колыбелкин, стараясь придать голосу уверенность.

Варвара Сергеевна вплыла в кабинет, неся перед собой папку, как щит. Она была в строгом сером костюме, с брошкой-флажком на лацкане. От нее пахло «Красной Москвой» и легким раздражением.

— Николай Иванович, — начала она без предисловий, опускаясь на стул напротив него, — я к вам по вопросу, который не терпит отлагательств. У нас в коллективе, — она повысила голос, словно произносила доклад на партсобрании, — назревает моральное разложение.

Чайник на плите свистнул. Колыбелкин машинально выключил плитку, но чайник продолжал гневно шипеть.

— Варвара Сергеевна, — осторожно начал он, — может быть, вы сначала объясните, в чем именно вы видите... э-э-э... разложение?

— Я вижу его в кабинете бухгалтерии! — отрезала она. — Этот новый проректор — полковник! — она выплюнула слово «полковник» с каким-то смешанным чувством восхищения и ревности. — Аксенов Егор Михайлович. Он уже вторую неделю торчит у Зинаиды Петровны. И не по делу! Я сама видела, как он принес ей яблоки. Яблоки, Николай Иванович! В рабочее время!

Колыбелкин почувствовал, как у него начал дергаться глаз. Он еще не привык к тому, что в его кресло стекаются все мелкие и крупные склоки института. Вчера жаловались на то, что в столовой дают пересоленный суп. Сегодня — на яблоки.

— Может быть, — осторожно проговорил он, — яблоки были по случаю дня рождения? Или...

— Никакого дня рождения! — отрезала Варвара Сергеевна. — Я знаю день рождения Зинаиды Петровны! Он в марте. А сейчас сентябрь. Это аморалка! Гражданин полковник должен помнить, что он является образцом для подражания! И вообще, почему его взяли на должность? С военного завода? Там всякое отребье! А наш главбух — молодая вдова, и такой человек, как Аксенов, должен подавать пример!

Чайник закипел и выплеснул кипяток на плитку. Плитка зашипела, по кабинету поплыл запах гари и перегретого металла. Колыбелкин вскочил, переставил чайник на подставку, схватил полотенце, чтобы вытереть лужу.

— Варвара Сергеевна, — сказал он, пытаясь сохранить остатки спокойствия, — а вы уверены, что яблоки были именно для Зинаиды Петровны? Может быть, он просто нес их в общий отдел?

— Общий отдел на втором этаже! — воскликнула Варвара. — А он поднимался на третий. И у него в глазах... — она запнулась, подбирая слово, — играл огонь. Я-то знаю! Я женщина опытная. Эти военные — они все такие. Приходят, разбивают сердца, а потом — в кусты!

Колыбелкин молча смотрел на нее. Она сидела, прямая, как жердь, сжав руки в замок, и он видел, что в ее глазах горит не столько праведный гнев, сколько что-то другое. Обида. Обида на то, что этот статный военный мужчина с правильной военной выправкой принес яблоки не ей, а Зинаиде Петровне, которая была моложе ее на двадцать лет.

— Я поговорю с Аксеновым, — пообещал Колыбелкин, понимая, что это пустое обещание. Он не знал полковника. Тот появился в институте всего две недели назад, и они лишь мельком виделись в коридоре. Аксенов был высоким, с седыми висками, выправка — будто аршин проглотил, взгляд прямой, тяжелый, военный. Он не вписывался в местный пейзаж. Слишком чистый, слишком прямой.

— И еще, — добавила Варвара, уже поднимаясь. — Я хочу поставить вопрос о товарищеском суде. Если ситуация не изменится. Мы должны бороться за чистоту наших рядов. Лозунг партии — «Ускорение!» — но ускорение должно быть моральным тоже!

Она вышла. За ней остался запах «Красной Москвы» и чувство, что зря он соглашался на эту должность.

Колыбелкин закрыл дверь, подошел к столу, налил себе кипятка в граненый стакан с подстаканником. Подстаканник был никелированный, с потертым рисунком — паровоз на мосту. Он достал из ящика пачку грузинского чая (Раечка «достала» ему по знакомству), заварил его прямо в стакане, без заварника.

За окном, на Театральной площади, светило бледное сентябрьское солнце. По асфальту шли люди — женщины с авоськами, мужчины в плащах, дети с портфелями. Шел обычный вторник эпохи развитого социализма. Где-то там, в центре города, у ЦУМа, была очередь за импортными сапогами. А здесь, в кабинете профкома, решалась судьба яблок.

Он отхлебнул чай. Горячо. Крепко. Вкус детства, когда бабушка заваривала так же, без заварника, прямо в стакан.

Зазвенел телефон. Колыбелкин поднял трубку.

— Профком, Колыбелкин слушает.

— Николай Иванович? — голос был низким, густым, с легкой хрипотцой. — Это Аксенов. Егор Михайлович. Я прошу вас зайти ко мне в кабинет. Есть разговор.

Колыбелкин почувствовал, как внутри все сжалось. Только что о нем говорили как о развратнике, а теперь он сам звонит.

— Я сейчас подойду, — ответил он.

Он допил чай, поставил стакан в пустую раковину, одернул пиджак — вельветовый, коричневый, слегка потертый на локтях. Посмотрел на себя в маленькое зеркальце на стене. Бледное лицо, темные круги под глазами, на лбу — первая морщина, появившаяся после избрания.

— С Богом, — прошептал он. Не потому что был верующим — нет, в партию он вступил еще в институте. Просто так говорил его отец перед трудными делами.

Кабинет Аксенова был на втором этаже, в конце коридора. Раньше здесь сидел Панцирев. Дверь была открыта. Колыбелкин постучал и вошел.

Кабинет был абсолютно пустым. Голые стены, только портреты — Ленин и Брежнев, снятые с печатью. На столе — телефон и папка с документами. Сам Аксенов стоял у окна и смотрел вниз на институтский двор, где лениво грузили доски в старый ЗИЛ.

Он обернулся. Взгляд — тяжелый, изучающий. Сразу видно — человека, привыкшего командовать и не привыкшего, чтобы ему перечили.

— Садитесь, Николай Иванович.

Колыбелкин сел на стул. Стул оказался жестким, металлическим, как в военкомате.

— Я знаю, что вы недавно избраны, — начал Аксенов, не садясь, продолжая стоять у окна. — И я знаю, что к вам уже прибегали с жалобами.

Колыбелкин открыл рот, чтобы возразить, но Аксенов поднял руку.

— Я не спрашиваю кто. Догадываюсь. Варвара Сергеевна. Она уже успела высказать мне свои претензии лично. Яблоки. — он коротко усмехнулся. — Да, я принес яблоки Зинаиде Петровне. У нее маленький сын, и он болеет. У меня есть знакомый садовод, он дал мне килограмм антоновки. Дети должны есть яблоки. Это не преступление.

Он повернулся к Колыбелкину. В его глазах не было тени смущения. Только усталость и какая-то стальная решимость.

— А вы, Николай Иванович, скажите мне прямо. — Аксенов шагнул к столу, оперся на него ладонями. — Вас избрали председателем профкома. Кто вы? Исполнитель? Или человек, который будет разбираться по существу?

Вопрос повис в воздухе. Чайник в кабинете молчал — у Аксенова его не было.

— Я... — начал Колыбелкин, и голос его предательски дрогнул. — Я хочу разбираться по существу.

Аксенов кивнул, словно это был правильный ответ.

— Тогда по существу. Завтра в девять утра я встречаюсь с директором по вопросу строительства нового корпуса. Там есть проблемы с документацией. Я хочу, чтобы вы присутствовали. Как представитель трудового коллектива. Вы же теперь голос народа, верно?

Он протянул руку. Колыбелкин пожал ее. Ладонь у полковника была сухой и твердой.

— Приду, — сказал Колыбелкин.

Он вышел в коридор и перевел дух. Странное чувство. Варвара Сергеевна видела в этом человеке развратника и врага морали. А он, Колыбелкин, видел просто уставшего мужчину, который принес яблоки больному ребенку.

«Заварила каша, — подумал он, возвращаясь в свой кабинет. — И эту кашу мне расхлебывать».

Он вошел, закрыл дверь, подошел к столу. Чайник на плите уже остыл, но на конфорке все еще лежала капля воды, которая, испаряясь, издавала тихий, почти неслышимый свист.

Колыбелкин сел за стол, открыл папку с отчетом Панцирева. И вдруг заметил нечто, чего не заметил раньше. В графе «Остаток строительных материалов по состоянию на 1 сентября» стояла цифра, которая не сходилась с предыдущей ведомостью. Он перелистнул страницу назад. И еще назад.

Цифры не сходились. Ровно на двести семьдесят две тысячи рублей.

Он протер глаза. Это был обычный отчет по субботникам. В нем не должно было быть таких цифр.

Колыбелкин медленно закрыл папку и посмотрел на портрет Ленина. Ленин на портрете, казалось, усмехался.

— Что же вы натворили, Степан Кузьмич? — прошептал он в тишину.

А за стеной, в коридоре, кто-то включил радиорубку, и оттуда, хрипя и захлебываясь помехами, полилась песня:

«Нежность моя, я скучаю, я скучаю...»

Колыбелкин снова вздохнул и посмотрел в окно. На Театральной площади начинался мелкий дождь. Люди раскрывали зонты. Очередь у ЦУМа стояла, не расходясь.

Эпоха развитого социализма продолжалась. И в ней, на берегу реки, в одном проектно-институте, назревала буря. Он, Николай Иванович Колыбелкин, оказался в самом ее центре.

И ничего хорошего в этом не было.

Глава 2. Академик и Снабженец

Колыбелкин ехал на заднем сиденье служебного «УАЗа» и смотрел, как город за окном постепенно теряет свою парадность. Дома становились ниже, лица — проще. Сначала проспект Карла Маркса с его витринами, потом улица Свободы с деревянными двухэтажками, а дальше — и вовсе частный сектор, заборы, грядки, и наконец — промзона.

Город заканчивался здесь, на окраине этой улицы. Дальше начиналась река, а за ней — сосновые леса, которые давали сырье для всего их института. Там, за туманом, шла заготовка леса, а здесь, на складе, его хранили, сортировали и готовили к отправке на нужды комбината и строительных объектов.

Водитель, дядя Вася, молча крутил баранку. Он был из тех шоферов, что знают все дороги в радиусе ста километров, но говорят только о погоде и о том, что «опять бензин подорожал». Сейчас он молчал, потому что погода была мерзкой — моросило, стекла запотевали, и дворники ритмично постукивали, размазывая капли по лобовому стеклу.

— Сто лет тут не был, — пробормотал Колыбелкин, когда машина въехала на складскую территорию. — Еще студентом сюда приезжал на практику.

— Сто лет, — хмыкнул дядя Вася. — А ничего не изменилось. Штабеля те же, забор тот же, начальник склада, энтот... Ермолаев, все так же водку пьет. Разве что трезвость теперь кругом.

Колыбелкин вздохнул. Да, борьба за трезвость докатилась и до складов. Теперь водку нельзя было пить на работе, а значит, ее пили в закутке между штабелями, завернув в «Комсомольскую правду».

Машина остановилась у проходной. Колыбелкин вышел, поправил пальто — осеннее, шерстяное, купленное еще в Ленинграде на стипендию — и направился к конторе склада, небольшому деревянному сараю, обшитому горбылем.

Внутри пахло махоркой и сыростью. На стене висел портрет Ленина в рамочке, рядом — график выработки, где красные флажки начинали и заканчивались где-то в середине октября. За столом сидел Ермолаев — грузный мужчина лет пятидесяти с красным носом и вечно прищуренными глазами. Сейчас он смотрел куда-то вдаль с таким видом, будто решал судьбу всей мировой революции, а на самом деле просто пытался вспомнить, куда он сунул журнал учета.

— Здравствуйте, Степан Ильич, — сказал Колыбелкин, присаживаясь на табурет. — Проверка по поручению профсоюзного комитета. Сохранность имущества. Состояние материалов перед зимой.

Ермолаев медленно повернул голову, сфокусировался на Колыбелкине и улыбнулся — такой широкой, немного пьяной улыбкой, которую можно видеть у людей, которые уже нашли утром свой «чай».

— О-о, Николай Иванович! — прогудел он. — Слышал, слышал, избрали вас. Молодым везде у нас дорога. Ну что ж, проверяйте. Все в порядке у нас. Лес лежит. Гниет, правда, но так всегда осенью. Сырость.

Колыбелкин взял журнал учета, полистал. Все было аккуратно записано, но в голове свербела та цифра из отчета Панцирева — двести семьдесят две тысячи. Он посмотрел на графу «Поступление материалов за сентябрь». Цифры были на месте.

— Пойдемте, посмотрим на месте, — сказал он, поднимаясь.

Они вышли на площадку. Туман клубился между штабелями досок и бруса. Где-то вдалеке работал кран, и стук грузовых тележек отдавался эхом. С запада, от реки, тянуло сыростью и гнилью.

Колыбелкин пошел вдоль штабелей, заглядывая между досками. Многие из них были почерневшими от влаги, покрытыми плесенью. Он машинально постучал пальцем по доске — она издала глухой звук. Гнилая. Еще одна — та же история.

— Степан Ильич, — сказал он, обернувшись. — Это что за качество? Это же сосна? Она должна была храниться в сухом виде.

— Так сухого нет, — развел руками Ермолаев. — Министерство прислало влажную. Нам сказали — принимай. Мы приняли. Что мы могли сделать? Телеграмму послать? Так они не читают.

Колыбелкин хотел возразить, но в этот момент от ворот склада донесся громкий, властный голос:

— Ермолаев! А ну-ка иди сюда!

Он узнал этот голос. Аксенов. Полковник.

Из тумана выступила фигура. Аксенов шел быстрым, чеканным шагом, одетый в черную кожаную куртку, которая, казалось, сидела на нем как военная форма. Он был без головного убора, седые волосы мокли от мороси. За ним семенил молодой парень в телогрейке — видимо, кладовщик.

— Ермолаев, — сказал Аксенов, остановившись, — а ну-ка подойди к третьему штабелю.

Ермолаев поплелся за ним. Колыбелкин последовал за ними.

Третий штабель был у самого забора. Там лежали бревна — большие, толстые, предназначенные для строительства второго корпуса института. Но когда Колыбелкин подошел ближе, он увидел, что бревна покрыты каким-то зеленоватым налетом, с торцов выпирали гнилые участки, а несколько нижних бревен насквозь прогнили, и сквозь щели уже виднелся грунт.

Аксенов развернулся к Ермолаеву.

— Это что? — спросил он спокойно, но в этом спокойствии чувствовалась сталь. — Вы мне докладываете, что все в порядке, я приезжаю с планом закладки фундамента, а тут... — он взял в руки кусок коры, она отвалилась, как бумага. — Это не лес. Это труха! Это компост! На этом черте что можно построить? Муравейник?

Ермолаев побледнел. Он мялся, переминался с ноги на ногу.

— Товарищ полковник, — забормотал он, — это ж не я... это прислали... с комбината... Они сказали — бери, что дают. Я взял.

— А вы проверяли? — Аксенов повысил голос. — Глаза у вас есть? Руки? Это ведь лес для несущих конструкций! Это не дрова!

Вокруг начали собираться рабочие. Мужчины в телогрейках, с натруженными руками, курили, поглядывали на сцену. Колыбелкин заметил, что никто не улыбается. Все смотрели серьезно. Похоже, это было не первое такое разбирательство.

— Ермолаев, я даю вам неделю, — сказал Аксенов, — чтобы составили акт на списание этого материала. Вы его списываете как непригодный. И я хочу видеть накладные, по которым это поступило. Все накладные. За полгода. Понятно?

— Понятно, товарищ полковник, — Ермолаев почти сник.

— И еще, — Аксенов шагнул ближе, понизил голос так, чтобы слышали только Ермолаев и Колыбелкин. — Вы начнете с того, что уберете из закутка между штабелями свой «чайник». Я знаю, где вы храните. Трезвость кругом, товарищ Ермолаев. Или вы хотите, чтобы мы сняли вас с должности по статье?

Ермолаев сглотнул и кивнул.

Аксенов повернулся и, не глядя на рабочих, направился к конторе. Колыбелкин пошел за ним.

— Николай Иванович, — Аксенов не оборачиваясь, — вы видели это? Это не просто гниль. Это саботаж. Кто-то специально завез сюда бракованный лес, чтобы сорвать строительство. Или чтобы...

Он не договорил. Потому что из тумана вышла Зинаида Петровна.

Она появилась неожиданно, словно вынырнула из сырого воздуха. Она была в темно-синем пальто, с папкой в руках, на голове — вязанный берет, который слегка съехал набок. Она выглядела почти девочкой среди этих грязных штабелей, мужиков и гнилой древесины.

Она подошла к Аксенову и подняла на него глаза. Взгляд — серьезный, внимательный, спокойный. Она была ниже его почти на голову.

— Егор Михайлович, — сказала она, — я принесла ведомости по финансированию на четвертый квартал. Вы сказали, что вам нужно сверить смету по третьему объекту.

Она протянула папку. Аксенов взял ее, и в этот момент Колыбелкин, стоявший в двух шагах, заметил, как изменилось лицо полковника. Только что это было лицо командира, готового отдавать приказы и снимать подчиненных. Теперь оно стало мягче. Линии смягчились, в глазах появилось что-то теплое, почти неуловимое. Он взял папку, и пальцы их на секунду встретились — обычное движение, но что-то в нем было такое, что Колыбелкин почувствовал себя лишним.

— Спасибо, Зинаида Петровна, — тихо сказал Аксенов. — Я зайду к вам вечером. Вопросы по смете есть.

— Хорошо, — кивнула она. — Я буду до шести.

Она развернулась и ушла так же тихо, как и появилась. Туман сомкнулся за ней, и она исчезла.

Аксенов постоял секунду, глядя ей вслед, потом перевел взгляд на Колыбелкина.

— Николай Иванович, — сказал он, и голос снова стал жестким, деловым, — прошу вас составить акт о состоянии материалов. Как представитель профкома. Это нужно официально. Чтобы я мог надавить на Министерство.

— Сделаю, — кивнул Колыбелкин.

Они пошли обратно к конторе. За их спинами рабочие зашумели, загалдели. Доносились обрывки фраз:

— ...приехал, шкуру спустит...

— ...он прав, лес гнилой...

— ...а Зинка-то, а? Шустрая баба...

Колыбелкин поморщился. Он услышал в этих словах не просто обсуждение, а зависть. Зависть к молодой женщине, которая пришла на склад не с отчетом, а с надеждой увидеть полковника. Или он ошибается? Он не знал. Но чувствовал, что здесь что-то не так.

Они зашли в контору. Ермолаев уже сидел за столом, разливая чай из старого закопченного чайника. Он вздрогнул при виде Аксенова.

— Не волнуйтесь, Степан Ильич, — сказал Аксенов. — Составляйте акт. Я помогу. И давайте без этой... — он кивнул на стакан, который Ермолаев поспешно спрятал под стол. — Без этого. Поняли?

Ермолаев покивал, как китайский болванчик.

Колыбелкин сел за соседний стол, взял лист бумаги, и начал записывать. Он старался сосредоточиться на цифрах, на состоянии материалов, на количестве гнилых бревен. Но в голове все время всплывала картинка — туман, штабель, и полковник, который смотрит вслед уходящей женщине.

«Так вот ты какой, академик и снабженец», — подумал он. — «Строишь планы, воюешь за качество, а сам...»

Он не додумал. Потому что в этот момент Ермолаев, опомнившись и пытаясь выслужиться, выдвинул ящик стола и достал какую-то старую, пожелтевшую папку.

— Вот, товарищ полковник, — сказал он дрожащими руками, — накладные за июль. Там еще Панцирев подписывал. Может, там что-то найдете?

Аксенов взял папку, открыл. И нахмурился.

— А это что? — спросил он, показывая на какой-то документ. — Кто подписывал этот приход?

— Это... это... — Ермолаев замялся. — Это Панцирев. Он тогда еще был проректором. Он сказал, все по плану.

— Здесь цифра не сходится с накладной, — медленно сказал Аксенов. — Здесь на тридцать кубометров больше, чем в приемном акте. Куда делся лес?

Колыбелкин поднял голову. Сердце его екнуло. Двести семьдесят две тысячи. Он смотрел на ту же папку, которую видел в своем кабинете. Те же цифры. Те же несостыковки.

— Ермолаев, — спросил он, стараясь, чтобы голос не дрожал, — а где остальные документы? За август, за сентябрь?

— Так нету, — развел руками Ермолаев. — Панцирев их увез, когда уходил. Сказал — для отчета в Министерство.

Колыбелкин и Аксенов переглянулись. В этом взгляде было что-то общее. Понимание того, что они столкнулись с чем-то большим, чем просто гнилой лес и нерадивый складской начальник.

— Кто в Министерстве отвечает за лес? — спросил Аксенов тихо.

— Э-э... — Ермолаев нервно потер лоб. — Мурашкин. Александр Петрович. Он с Панциревым... ну, дружили.

— Дружили, — эхом повторил Аксенов. И посмотрел на Колыбелкина. — Николай Иванович, мне кажется, нам нужно как следует перетряхнуть старые бумажки. Ваши профсоюзные архивы. Есть у вас доступ к старым отчетам? К актам комиссий?

— Есть, — сказал Колыбелкин. — Но это ведь все... Как бы сказать... формальность. Это не уголовное дело.

— Пока не уголовное, — ответил Аксенов. — Но кто знает, что из этого может выйти.

Он закрыл папку и встал.

— Ермолаев, — приказал он, — завтра с утра вы приносите мне все накладные, которые у вас остались. Все до единой. Понял?

— Понял, — выдохнул Ермолаев. Он был бледным, как бумага.

Аксенов вышел из конторы. Колыбелкин последовал за ним.

На улице моросил дождь. Туман начал рассеиваться, и вдали, за рекой, стали видны контуры леса — темные, мрачные, как огромная стена.

— Колыбелкин, — сказал Аксенов, не оборачиваясь. — Вы знаете, что такое чувство долга?

— Знаю, — ответил тот.

— А чувство тревоги? — Аксенов повернулся. В его глазах была сталь. — Я чувствую тревогу. Потому что здесь воруют не лес. Здесь воруют наше будущее. План стройки сорвется, если мы не найдем эти документы. А значит, люди не получают квартиры. А значит, будут жалобы в партком. И этот институт... — он обвел рукой серое небо, мокрые штабеля, унылые постройки, — этот институт развалится. Как гнилое бревно.

Он помолчал.

— Помогите мне, Николай Иванович. Это не просто профсоюзное дело. Это — честь.

Колыбелкин стоял под дождем и смотрел на этого человека. Он видел, как Аксенов защищает Зинаиду Петровну. Как пытается навести порядок. Как ищет правду в гнилом лесу.

И чувствовал, что еще неделю назад он, Колыбелкин, такой же честный и прямой, как этот полковник. А сейчас он уже запутался. Потому что знал, что Панцирев был другом Ермолаева. И что Мурашкин из Министерства — давний знакомый директора. И что в этой истории все не так просто, как кажется.

Он вздохнул.

— Хорошо, Егор Михайлович. Я помогу. Но мы должны действовать осторожно. Люди здесь... у них длинные языки.

— Осторожность — это для трусов, — усмехнулся Аксенов. — А мы с вами, кажется, не трусы. Но я вас понял. Давайте потихоньку.

Они пожали друг другу руки, и Колыбелкин пошел к УАЗу. Дядя Вася уже дремал на водительском месте, приоткрыв окно.

— Ну что, доцент, — хрипло спросил дядя Вася, когда Колыбелкин сел, — нашли правду?

— Нашли, — сказал Колыбелкин, отряхиваясь. — Только не знаю, что с ней делать.

— А ты делай, как деды учили, — улыбнулся шофер, заводя мотор. — Правда всегда наружу вылезет. Хоть в гнилом лесу, хоть в чистом поле. Не бойсь.

«УАЗ» тронулся, оставляя за собой туман, сырость и запах гнилой древесины.

Колыбелкин смотрел в боковое стекло, где мелькали мокрые заборы, пустые улицы и редкие прохожие в плащах. Он думал о том, что его тихая, спокойная жизнь научного сотрудника закончилась. Теперь он был председателем профкома, и перед ним стояла не простая задача — разобраться, куда делись двести семьдесят две тысячи рублей народных денег.

Он закрыл глаза и вспомнил отца. Отец всегда говорил: «Николай, в этой жизни есть две вещи, за которые стоит бороться — правда и любовь. Все остальное — суета».

Колыбелкин открыл глаза. Вдалеке показались огни города. Огни советского города. Города, который жил своей обычной жизнью, не зная о войне, которая начиналась в одном из его НИИ.

— Ну что ж, — прошептал он, — начнем войну.

Дождь кончился. Небо над Театральной площадью начало проясняться, и в разрывах облаков показалось бледное октябрьское солнце.

Он знал, что завтра начнется настоящая работа.

Глава 3. Безалкогольная свадьба

Ноябрь 1986 года. Суббота, около семи вечера.

Дворец культуры «Россия». Парадный зал с колоннами и хрустальными люстрами. Фойе, буфет, лестницы, пахнущие елкой и лаком для пола.

За окнами Дворца культуры «Россия» ноябрь стоял на пороге зимы, но пока только дразнил — сыпал мелкой крупой, которая таяла на асфальте, оставляя мокрые разводы, похожие на слезы. Ветер, продувной и злой, метался между театральных колонн, срывал с прохожих шапки и завывал в водосточных трубах, словно тосковал по лету. Город в этот вечер казался огромной гостиной, где погасили свет и оставили только уличные фонари — тусклые, оранжевые, с ореолами мокрого снега.

Но внутри, за массивными дубовыми дверями, свадьба цвела махровым цветом советского застолья, лишённого главного — градуса.

Дочь начальника планового отдела, Ирочка Звонкова, выходила замуж за молодого инженера из проектного отдела, Витьку Смирнова. Свадьба была скромной — без банкета, без шампанского, без традиционных «Горько!», которые неизменно вели бы к употреблению спиртного. Это был ноябрь восемьдесят шестого, и эпоха сухого закона накрывала все торжества своей безжалостной и трезвой ладонью.

Колыбелкин стоял у входа в парадный зал и чувствовал себя не гостем, а скорее стражем порядка. Он был председателем профкома, а значит, отвечал за организацию свадьбы в части культурной программы и... дисциплины. Трудовой коллектив должен был показать пример обществу борьбы за трезвость.

— Николай Иванович, — к нему подскочила раскрасневшаяся Раечка в нарядном платье, — вы не видели, куда поставили лимонад? А то Ирочка переживает, мало будет.

— На первом столе, с той стороны, — устало махнул рукой Колыбелкин.

Он оглядел зал. Столы, накрытые белыми скатертями, стояли буквой «П». На каждом — лимонад в графинах, минеральная вода, компот из сухофруктов. Салаты — оливье, селедка под шубой, мимоза. На горячее — курица по-киевски и картофель по-деревенски. Все как у людей. Только без главного.

Гости сидели нарядные — женщины в платьях, мужчины в костюмах, с перевязанными ленточками на лацканах. Но в глазах их читалась какая-то странная пустота. Они улыбались, чокались лимонадом, кричали «Горько!» и целовались, но в каждом взгляде скользила мысль: «А где же... ну, вы понимаете».

Колыбелкин понимал. Он и сам бы выпил. Но не мог.

Он прошелся по фойе. Здесь было прохладно, пахло старым паркетом и лаком. По стенам висели стенды с фотографиями лучших ударников труда и какой-то ветхий плакат «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи!». Плакат был выцветший, 1978 года — тогда еще Брежнев был жив и улыбался с трибуны.

Колыбелкин направился в буфет.

Буфет Дворца культуры был небольшим помещением, заставленным столиками с мраморными столешницами. Здесь обычно продавали пирожные, пирожки с капустой и кофе. Но сегодня буфет работал на полную катушку — здесь подавали гостям чай, кофе и тот самый лимонад, который был в дефиците.

За стойкой стояла тетя Груша — грузная женщина с добрым лицом и большим опытом работы в общепите. Она ловко управлялась с чашками и блюдами, одновременно подмигивая знакомым гостям.

— Николай Иванович, — окликнул кто-то его.

Колыбелкин повернулся. В углу буфета, за столиком, сидел человек в поношенном пиджаке. Седой, лысеющий, с мешками под глазами и дрожащими руками. Он пил чай из большой фарфоровой чашки и, казалось, был абсолютно один.

Это был Панцирев. Степан Кузьмич. Бывший проректор по хозяйству, уволенный «за систематическое нарушение трудовой дисциплины».

Колыбелкин почувствовал, как внутри все сжалось. С одной стороны, этот человек был врагом, символом старого порядка, который они пытались искоренить. С другой — Панцирев был живой легендой, и от него всегда можно было услышать то, чего не услышишь в официальных кабинетах.

— Степан Кузьмич, — Колыбелкин подошел к столу, — вы здесь?

— А где же мне еще быть? — усмехнулся Панцирев, не поднимая глаз. — Не на доске почета же. Садись, Коля. Чайку попей.

Колыбелкин сел напротив. Вблизи Панцирев выглядел еще хуже — лицо было желтоватым, отекавшим, пальцы дрожали, когда он подносил чашку ко рту. Но глаза его — маленькие, хитрые, как у старого лиса — смотрели остро и цепко.

— Дай сюда, — сказал он, вытаскивая из внутреннего кармана пиджака небольшую плоскую фляжку. — Я тут на троих припас. Небось, замучился на безалкогольной свадьбе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.